

О МИХАИЛЕ ЗОЩЕНКО

Михаил Михайлович Зощенко был писателем широкого творческого диапазона. Он писал, прежде всего, рассказы. Эти рассказы нередко трансформировались в фельетоны, в юморески, в шутки-пародии. Он писал повести, книги, иные из них («Возвращенная молодость», «Голубая книга», «Повесть о разуме») вмещали в себя множество рассказов. Он писал пьесы, некоторые из них выросли из рассказов. Новеллистика — ядро его творчества.

Известность пришла к писателю в начале двадцатых годов. Двадцатые и тридцатые годы — время его расцвета. В сороковых годах Зощенко испытал немалые творческие трудности. Но он вышел из них с честью и работал в литературе до конца дней своих, до 1958 года. За долгие годы своего творческого развития он создал множество произведений, написанных, как уже сказано, в разных жанрах. В этой книге — лишь часть его литературного наследия: избранные рассказы, яркие образцы его новеллистики, замечательным мастером которой он был и остается в сознании миллионов читателей.

К Михаилу Зощенко известность пришла сразу. Едва начав печататься, он завоевал сердца. В небольшом литературном портрете Зощенко, в эссе, на которое я еще не раз сошлюсь, об этом отлично написал Константин Федин, друг Михаила Михайловича, товарищ его юности: «Этот человек был первым из всей молодой литературы, который, по виду без малейшего усилия, как в сказке, получил признание в литературной среде и в совершенно необозримой читательской массе. Он действительно проснулся в одно прекрасное утро знаменитым...» К. А. Федин был очень прав, отметив, что популярность далась Зощенко лишь «по виду без малейшего усилия». Все, кто встречался с Михаилом Зощенко, все, кому приходилось наблюдать его за работой, знают, что он был усерднейшим тружеником, писателем, который работал над словом как вдохновенный его гранильщик.

Слово! Михаил Зощенко всю жизнь неустанно совершенствовал свое словесное мастерство. Он был достойным последником великих предшественников — классиков русской литературы. Он не просто знал, он трепетно чувствовал прозу Пушкина, Гоголя,

Толстого, Чехова, Горького, Бунина, он как бы всей кожей ощущал поэтику каждого из этих корифеев русской прозы. Подавляющее большинство рассказов Зощенко написано в так называемой манере сказа. И критика не случайно сравнивала Зощенко с Владимиром Далем, Николаем Лесковым, Андреем Мельниковым-Печерским. Михаил Михайлович настолько тонко, пронзительно тонко ощущал мастерство великих русских прозаиков, что во время пушкинского юбилея тридцатых годов с легкостью написал «Шестую повесть Белкина», изысканно совершенную стилизацию «под Пушкина» в форме якобы утраченной последней повести из знаменитого пушкинского цикла.

Но не надо думать, будто Зощенко был писателем, так сказать, узко «литературным», будто он был стилизатором или эпитетом. Нет, Зощенко умел и любил слушать живую жизнь различных социальных слоев современного ему общества. Он отлично «подслушивал» на улицах и в трамваях, на базаре и в ученом собрании своеобразные выражения, стилистические особенности, различнейшие говоры и речения. Он чувствовал окраску, расцветку живого разговорного языка, умел вылавливать из речевой стихии такие словечки и словеса, такие обороты речи, которые наиболее точным образом выражали разнообразные социально-психологические характеры, разнообразные эмоциональные состояния. В двадцатых годах в своих юмористических рассказах Зощенко охотно бичевал мещанство периода нэпа, и персонажи его произведений говорили, в соответствии с писательской задачей автора, языком различнейших обывательских слоев — языком «массовидным» или индивидуализированным, но вырвавшимся на определенной общественно-психологической почве. Находились в ту пору критики, которые считали, что Зощенко берет «слова не в том значении, какое им отпущено жизнью». Отвечая такого рода критикам, писатель подчеркивал: «Это неверно... Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица».

Михаил Зощенко начинал как юморист. Он был отменным бытовиком, отлично знал нравы той среды, которую осмеивал и высмеивал. Знал во всех тонкостях ее язык. Умел находить неожиданные, порою эксцентрические коллизии, способствующие выявлению характеров и характерного. Он писал с большим чувством меры и соразмерности, с тем совершенным чувством композиции, действия, слова, при котором не было в рассказах ничего лишнего — ни затяжки, ни словечка. Недаром, выступая в 1926 году на диспуте о советском иллюстрированном журнале, Владимир Маяковский заметил, что «Зощенко, при некотором мелководье нашей сатирической работы, большой, квалифицированный и самый популярный писатель».

С самого начала своего пути Михаил Зощенко предстал перед читателями как великолепный мастер юмористического рассказа. Константин Федин вспоминает, что, когда Михаил Михайлович читал товарищам-литераторам свои ранние рассказы, их поражало сочетание иронии и правды чувств. Это — очень меткое наблюдение: Зощенко показывал людишек уходящего, обреченного мира с иронией и сарказмом, едва заметно высказывая собственные чувства, проникнутые правдивым, оптимистическим отношением к жизни и к перспективам ее развития. Он охотно давал возможность своим правдиво уродливым персонажам «пофилософствовать», поисповедоваться, так сказать, выложить на стол перед читателем свои безправственные «моральные» представления. Не расставаясь со свойственной ему иронической улыбкой, не утрачивая ни в чем цельности той правды чувств, в которой он черпал свои духовные силы, он словно брал под увеличительное стекло всех этих Назаров Спнебрюховых, Мишелей Синягиных и прочих своих пегуров, он словно включал некий звукоусилитель, благодаря чему громко и внятно звучали их мещански самодовольные и мещански сентиментальные голоса. Он, как сказал бы Брехт, очуждал этих персонажей, укрупнял их фигуры, поворачивал их различными гранями, демонстрировал их, чтобы читатели могли узнать их получше и научиться их презирать.

В ту пору полюбил Зощенко Максим Горький. Он очень ценил его веселый и сильный талант, любовался его словом. Книжки Зощенко он ожидал «с трепетным нетерпением» (так писал он Федину, ему же он написал про Зощенко: «Очень хорош»). Из отзывов Горького о Михаиле Михайловиче явствует, что великий писатель считал его высокоталантливым и очень серьезным художником. В противовес тем невзыскательным читателям, которые полагали, что Зощенко только смешил (но не учил, не сражался со злом) и выступал как этакий отъявленный весельчак, Горький видел, что в творчестве Зощенко выдвигаются важные социально-психологические темы, что в его веселых книгах выступают и весьма невеселые и очень серьезные проблемы, что в юмористике писателя намечается тенденция к сатире.

Сатирические тенденции в творчестве Михаила Зощенко, намеченные уже в юмористических рассказах двадцатых годов, стали нарастать в его новеллистике и в повестях тридцатых годов. В том же эссе 1943 года, которое я уже цитировал, К. А. Федин совершенно точно определил мишени, по которым била сатира его друга, и в то же время справедливо отметил разнообразие его сатирического оружия, средств его атакующего искусства. Цитирую снова из этого эссе: «Цель его сатиры — добытки лич-

ного счастья, люди однобоких качеств, умеющие только брать, принимающие за должное все, что они получают, не желающие давать ни крошки того, что от них требуют. Приобретатели личных благ, иногда лирические, иногда грубые, изредка хитроумные, всегда алчно-практические. По этой вбетонированной в обывательщину цели Зощенко бьет всем разнообразием своего оружия». Это — очень правильные слова, в них намечена и серьезная задача для историков и теоретиков литературы: изучить разнообразие художественных средств Зощенко-сатирика. Эта задача отчасти реализуется исследователями творчества писателя — Е. Журбиной, М. Чудаковой, Дм. Молдавским, Л. Ершовым и другими. Но в полном объеме работа эта еще далеко не выполнена.

Рядом с тенденциями сатирическими в творчестве Зощенко с тридцатых годов появились и тенденции, которые условно можно назвать учительными. Лирическое начало в творчестве писателя сказывалось и раньше, — это та самая правда чувств, о которой говорили товарищи его юных лет, начала его литературного пути. В юмористике первого десятилетия работы Зощенко, в его рассказах двадцатых годов лирическое начало чувствовалось меньше, нежели в последующие годы. Затем оно выступило широко и демонстративно, — также в разных формах. Появились повести характера исповедального и назидательного по своему замыслу. Появились некоторые рассказы с открыто поучающими концовками. Лирическая публицистика вторглась в рассуждения писателя о прошлом («Голубая книга»), о врачевании и психике («Возвращенная молодость»), о борьбе с болезнью и победе над нею («Повесть о разуме»). Лирико-публицистический подтекст окрасил многие превосходные рассказы.

На стыке двух десятилетий, о которых идет речь, Зощенко тяжело болел. Горький, с его необыкновенной чуткостью, сразу же разгадал, что Михаил Михайлович мучим недугом. Он встревоженно расспрашивал о нем всех тех, кто с ним общался. Но Зощенко сумел победить недуг, — и затем история болезни и исцеления стали из факта его биографии одной из его писательских тем. Особенно широко предстали эти темы в двух только что упомянутых мною повестях. Назвать их научными повестями было бы опрометчиво, — Зощенко в них всегда художник, но при этом художник, занятый анализом переживаний, выводами о силе положительных эмоций. Как справедливо отметил в предисловии к «Повести о разуме» (журнал «Звезда», 1972, № 3) философ А. В. Гулыга, «научные» повести Зощенко говорят о вере писателя в жизнь и в человека, о его природном оптимизме, о его материалистических (решительно направленных против фрейдизма) убеждениях.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66